

В диалоге познания

Философия истории и историческая наука

Владимир НОВИКОВ,
кандидат философских наук, доцент

Ольга НОВИКОВА,
кандидат философских наук, доцент

Человека всегда интересовали особенности развития общества, исследование его прошлого и прогнозирование будущего. Усиление внимания к этой проблематике возрастает в полную динамику и противоречий современную эпоху и особенно характерно для цивилизационных регионов, находящихся на переходном этапе своего развития, к каким относится и Беларусь.

Один из актуальных вопросов современного философского знания, равно как и исторической науки, касается методологических оснований исследования исторической социодинамики. Что может быть принято в качестве такого основания? История – не простая хронология событий, отвлеченных от человеческих судеб (здесь можно вспомнить сентенцию знаменитого физика Н. Бора, назвавшего историю науки «не драмой идей, а драмой людей»), поэтому ее рассмотрение немыслимо вне контекста анализа роли человека. Она может быть метафорически представлена в трех основных аспектах.

Во-первых, как роль «человека в истории». Имеется в виду человек как действующее

лицо – участник или современник происходящих событий. В данном случае он является одновременно и субъектом действия, и носителем исторической памяти о нем.

Во-вторых, как «история в человеке». Профессиональный историк рассматривается как субъект познания, который может быть участником событий. Данное обстоятельство, хотя и позволяет ему знать социально-культурный контекст происходящего, но не гарантирует объективности исследования по причине влияния интереса и оценки событий на его результаты. Поэтому для научно-исторического познания важна историческая дистанция.

В-третьих, как роль «человек после истории». Речь идет о находящемся за предела-

ОБ АВТОРАХ

НОВИКОВ Владимир Тимофеевич.

Родился в 1949 году в г. Старые Дороги Минской области. Окончил философское отделение Белорусского государственного университета (1971), аспирантуру (1975). В 1976–1985 годах работал на различных должностях в Минском медицинском институте, в 1985–1991 годах – в Минской высшей партийной школе и Институте политологии и социального управления. С 1992 года – доцент кафедры философии и методологии науки БГУ.

Кандидат философских наук (1978), доцент (1984).

Автор и соавтор более 200 научных работ, в том числе монографий, статей, учебных и учебно-методических пособий.

Сфера научных интересов: философия истории, философия власти, философия цивилизаций, философия и методология социально-гуманитарного познания.

НОВИКОВА Ольга Владимировна.

Родилась в г. Минске. Окончила Белорусский государственный университет (2002). С 2005 по 2007 год работала преподавателем кафедры философии и методологии науки БГУ. В 2007–2008 годах – пиар-менеджер Центра политического консультирования «Никола М» (г. Москва), в 2009–2011 годах – сотрудник Информационно-аналитической службы Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации. С 2013 года – доцент кафедры философии и методологии науки БГУ.

Кандидат философских наук (2006), доцент (2016).

Автор свыше 70 научных работ, в том числе двух учебных пособий (в соавторстве).

Сфера научных интересов: философия истории, философская антропология, социальная философия.

ми науки измерения истории, представленном в философии истории. Американский историк-компаративист Х. Уайт отмечает: «Историки совсем не часто задумываются о культурных функциях их исследования. Они – внутри своей дисциплины» [1, с. 33]. Поэтому интересно проследить, как связаны подходы к изучению истории, характерные для деятельности профессиональных историков и философов.

Их взаимоотношения начали складываться давно и имели неоднозначный характер. Для возникновения философии, осмысливающей историческое развитие общества, требовалось наличие факторов, которые отсутствовали в культуре Древнего Востока с ее традиционализмом и консерватизмом образа жизни. Так, в древней Индии возникает идея «колеса истории», характеризующая циклизм в рассмотрении способа социального бытия. А имеющей давнюю историю китайской цивилизации было свойственно почитание традиции, но не чувство исторического времени. В целом воззрения на развитие общества, существовавшим в древнем мире – как восточном, так и античном, был присущ космоцентризм. История оказывалась погруженной в вечность, а формой динамики событий становился круговорот. Как отмечает А.Ф. Лосев, «античное понимание историзма будет складываться по типу вечного круговращения небесного свода, то есть будет тяготеть к тому типу историзма, который мы выше назвали природным историзмом. Здесь именно природа будет моделью для истории, а не история – моделью для природы» [2, с. 19]. Значит, «природный историзм» мышления – это натуралистическая интерпретация событий, не позволяющая выработать философскую конструкцию исторического процесса.

Во-первых, этому не способствовало состояние самого исторического сознания. Так, у Геродота, которого считают «отцом истории» и историографии, в повествованиях история распадается на отдельные, слабо связанные между собою хронологические картины. Как отмечает австрийский историк Э. Калер, и Геродот, и другие историки древней Греции, для которых история была живым, личным опытом, «все еще разбавляли географию и этнографию рассказами о приключениях в заморских странах. В этом, изначально, значении слова *historia* пред-

ставляется разновидностью историографии, которую современные ученые не прочь назвать научной...» [3, с. 18]. Может показаться парадоксальным, но древняя историография не выработала принцип историзма, предполагающий рассмотрение общества как развивающейся и изменяющейся во времени действительности.

Во-вторых, связь античной историографии с философией носила односторонний характер – античная история лишь дополняла философские сентенции, придавая им иллюстративный и нравоучительный характер. Эти особенности античной историографии нашли отражение в словах греческого историка и философа I века до н.э. Дионисия Галикарнасского: «История – это философия, которая учит нас с помощью примеров» [4, с. 11].

В-третьих, традиционализм и консерватизм античного образа жизни нашли воплощение в утопизме социальных идеалов древних греков, что проявилось в попытке Платона воплотить на практике проект идеального государства, противоречащий его учению о несовместимости двух миров: мира идей и мира вещей. Тем самым выявилась размытость чувства исторического времени. В мировосприятии древних греков между настоящим и будущим не было принципиального различия.

Прорыв в философском осмыслении развития общества происходит в средневековой теологии, отказавшейся от циклической модели «вечного возвращения». Вместо нее утверждается линейно-поступательная интерпретация мировой истории, составляющая суть христианской «идеи истории». В итоге период распада цельности мира, связанный с крушением античного космоцентризма (по выражению М. Бубера – период «бездомности» человека), сменяется периодом «обустроенности» нового, христианского мира, который воспринимается человеком как уютная домашняя обитель. «Схема этого образа мира – крест, вертикальная перекладина которого есть конечное пространство от небес до преисподней, и проходит она посреди человеческого сердца; поперечная же перекладина являет собой конечное время от сотворения мира до последнего его дня, причем центр этого времени – смерть Христова, всепокрывающая и всеискупительная, приходится на самое средоточие пространства – сердце бедного

грешника» [5, с. 167]. Важно, что в теологии Августина Аврелия история перестает быть простой чередой событий, жизнь человека приобретает ценность, а существование человечества – смысл.

Однако подлинное рождение светской философии – дело XVIII века, когда благодаря усилиям Дж. Вико, И.Г. Гердера, Вольтера и других французских философов-просветителей, а также создателей немецкой классической философии И. Канта, Г. Гегеля оформляется принцип историзма и появляется философско-историческое понимание общества.

В это же время закладываются предпосылки для возникновения исторической науки, что во многом было связано с кризисом классической философии и началом институционального оформления наук об обществе. Неприемлемой для рождавшейся научной историографии стала патерналистская установка классической философии, трактующая философию как «науку наук», о статусе которой можно судить по словам И. Фихте: «Философ, который занимается историей в качестве философа, руководится при этом априорную нитью мирового плана, ясного для него без всякой истории; и историей он пользуется отнюдь не для того, чтобы что-нибудь доказать посредством последней (ибо его положения доказаны уже до всякой истории и независимо от нее), а только для того, чтобы пояснить и показать в живой жизни то, что ясно и без истории» [6, с. 356].

Таким образом, возникающая в классической философии истории дисгармония с историографией затрудняла взаимопонимание философов и историков эмпирической ориентации, которым была чужда абстрактность философских конструкций. Более близкими для них были методологические новации немецкой «исторической школы», представители которой – Л. фон Ранке, А. Мюллер, В. Гумбольдт, А. Гримм, И.Г. Дройзен разрабатывали проблему специфики метода исторического познания, отличающей его от методов исследования природных объектов. Так, Л. фон Ранке в середине XIX века сформулировал задачу исторической науки, связав ее с принципом индивидуализации изучаемых явлений. Он писал: «Я же утверждаю: каждая эпоха стоит в непосредственном отношении к Богу, и ее ценность основана вовсе не на том, что

из нее выйдет, а на ее существовании, на ее собственном «я». Благодаря этому рассмотрению истории, именно индивидуальной жизни в истории, получает совершенно особую привлекательность: каждая эпоха должна быть рассматриваема как нечто, имеющее цену само по себе, и является в высшей степени достойной рассмотрения» [7, с. 297]. Следовательно, в понимании немецкого ученого, задача истории – «лишь показать, как все происходило на самом деле». Ее решение предполагает строго документальное описание свершившихся событий, исключая любые интерпретации.

Но вопрос о достижимости заявленной цели породил разные мнения. Если сам Ранке в духе популярного в то время позитивизма исключал возможность плюрализма исторических версий происходившего в прошлом, то решение поставленной проблемы другими представителями данной школы не было столь однозначным. Оно все более приближалось к признанию процедуры понимания как специального методологического приема познания, связанного с изучением мотивов действия участников исторического процесса. Так в научной историографии вызревала еще одна гносеологическая проблема – объективности исторического знания. Дройзен пришел к выводу об иллюзорности точной реконструкции прошлого, считая, что историк погружен в социально-культурную среду, отличающуюся от той, в которой жили и действовали творившие историю люди, и его понимание прошлого всегда будет определяться современными интересами и ценностными установками. Однако присущая нации общность «духа культуры» все же делает возможным использование понимания как средства исторического познания.

В качестве ответной реакции на методологический диктат классической философии объявляются несостоятельными метафизические проблемы исторического процесса, что, однако, ведет к сужению исторической реальности. Из поля зрения научной историографии исчезают вопросы истории как социально-культурного процесса, что приводит к возникновению «антропологического кризиса» в философии истории.

Предмет современной философии истории предполагает рассмотрение природы исторического процесса, анализ фундаментальных принципов исторического бытия,

исследование закономерностей развития социума, его смысла и назначения, а также рефлексии над самим историческим познанием. При этом важно иметь в виду, что изучаемые исторические законы – это законы деятельности людей и функционирования созданных ими социальных институтов. Вследствие этого законы общественной жизни предстают одновременно и как законы общественной деятельности людей, и как ее объективации: результаты деятельности отчуждаются – человек теряет над ними контроль, и они начинают «жить» независимо от него. Показательным в этом отношении является определение К. Марксом истории как естественно-исторического процесса, осуществляющегося объективно и закономерно, независимо от воли и желания людей. С другой стороны, история, как отмечали в одной из ранних работ К. Маркс и Ф. Энгельс, есть «не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» [8, с. 102].

Тот факт, что предмет философии истории неоднороден и она изучает не только жизнь социума, но и особенности бытия в нем человека, имеет объяснение: социальная философия, компонентом которой является философия истории, связана как с социальными, так и с гуманитарными науками, имеющими разные задачи. Предмет обществоведческих дисциплин – социологии, экономики, политологии предполагает раскрытие объективных законов общества как особой реальности, несводимой к существованию отдельных людей. Предметом же гуманитарных наук является исследование мотивов и смыслов деятельности, ее результатов, воплощающихся в содержании произведений литературы и искусства, других форм духовной культуры, а также целей и ценностей бытия человека в этом обществе.

В контексте рассмотрения поставленного вопроса показательно, что идеалом гуманитарных наук один из ведущих философов-неокантианцев Г. Риккерт считал исторические науки. Свою методологическую позицию он сформулировал таким образом: история не хочет обобщать, «не хочет генерализировать так, как это делают естественные науки» [9, с. 74]. В то же время он связывал применение любых методов с характером насущных познавательных задач. В свою очередь, советские исследовате-

ли В.Ж. Келле и М.Я. Ковальзон предложили близкую типологию социального знания, включающую как социологический тип, так и гуманитарный тип знания, в рамках которого вырабатываются методы индивидуализированного описания духовной стороны жизни человека. При этом грань между этими типами подвижна, и они могут объединяться в рамках одной науки. Примером такого соединения является «историческая наука, которая не только опирается на объективные закономерности, но и дает описание событий в их неповторимости и индивидуальности» [10, с. 32].

Конечно, освещение вопроса о дисциплинарном статусе исторической науки и ее связи с философией не сводится только к данной точке зрения. В частности, Ф. Ницше отмечает, что историю надо изучать, ибо она связана с жизнью и не является «чистой» наукой: «История принадлежит живущему в тройном отношении: как существу деятельному и стремящемуся, как существу охраняющему и почитающему и, наконец, как существу страждущему и нуждающемуся в освобождении. Этой тройственности отношений соответствует тройственность родов истории, поскольку можно различать монументальный, антикварный и критический род истории» [11, с. 168].

Монументальная история для деятельных людей предстает как «учитель жизни». Она способна воодушевлять их на подвиги, но также может вводить в заблуждение и превращать людей в эгоистов и фанатиков при помощи заимствованных из прошлого аналогий. Антикварная история характерна для почитателей и охранителей старины, противящихся ее новым интерпретациям. Особое место в исторической памяти человечества занимает критическая история, которая, однако, не должна быть безоглядной.

Иное представление о специфике и видах истории характерно для Н.А. Бердяева, который говорит о сложном пути становления исторического познания и выделяет три периода отношения к «историческому». В первый период «историческое познание еще не зарождается, а динамизм общества воспринимается с трудом», во второй – зарождается рефлексия исторического познания и возникает историческая наука, но ее «историзм, свойственный исторической науке, сплошь и рядом бывает очень далек от тайны «исторического»» [12, с. 6]. Прорыв

к постижению смысла исторической жизни происходит в третий период возвращения к «историческому» – то состояние, которое особенно благоприятно для постановки вопросов философии истории.

Развернутую классификацию видов истории предлагает Г. Гегель, выделяя три ее основных вида: первоначальную, рефлексивную и философскую историю. При этом в философии истории «мы, обозревая прошлое, как бы велико оно ни было, имеем дело лишь с настоящим, потому что философия как занимающаяся истинным имеет дело с тем, что вечно наличествует. Все, что было в прошлом, для нее не потеряно, так как идея оказывается налицо, дух бессмертен, т.е. он не перестал существовать и не оказывается еще не существующим, но по существу дела существует теперь» [13, с. 125]. Таким образом, философская история рассматривает сущность происходивших в прошлом событий с позиций современности, устанавливая тем самым диалогические отношения между ними.

В контексте нашего исследования особый интерес представляет вопрос об объекте и предмете исторической науки. В частности, В.Ж. Келле и М.Я. Ковальзон, говоря об исторически сложившихся фундаментальных областях обществознания, относят историю к самостоятельной сфере знания, предметом которой является «вся реальная история человечества» [10, с. 8]. С точки зрения А.И. Ракитова, «объектом исторической науки является история, понимаемая как прошлое развитие человечества. Это развитие подчиняется особым объективным законам» [14, с. 233].

В качестве своеобразного резюме философского понимания сущности и предметной области истории воспользуемся следующим толкованием: «Разнообразные трактовки истории можно представить двумя основными типами: во-первых, представление об истории как о прошлом. Реальность истории в этом случае трактуется как наследие, полученное людьми от предшествующих поколений. Отсюда – практическая задача сохранения исторического наследия, памятников истории, ее вещественных и письменных «следов». Историческое познание в этом смысле оказывается в основном изучением памятников, их выявлением, описанием, истолкованием. Во-вторых, понимание истории

как процесса человеческого бытия, как социального бытия, развертывающегося во времени» [15].

Вторая трактовка предлагает рассматривать историю как перманентный процесс развертывания социальной деятельности человека: «Такое понимание истории предполагает рассмотрение и описание истории через деятельность людей, через связи этой деятельности с ее условиями, средствами и продуктами. В этом случае история предстает как живая, то есть деятельная, насыщенная силами и способностями людей, как связь прошлого, настоящего и будущего. Выявляется необходимость видеть за предметами и знаковыми формами схемы человеческой деятельности и общения, моделировать ситуации возникновения и воспроизводства этих схем. Оба типа представления об истории, по сути, содержат в себе различие истории как: а) динамики человеческого бытия и б) как познания – описания, трактовки, объяснения этого бытия» [15].

Теперь обратим внимание на определение предмета и целей исторической науки с позиций ученых-историков. Так, по мнению русского историка В.О. Ключевского, содержанием истории как науки является процесс, представляющий собой ход, условия и успехи человеческого общежития, или жизнь человечества в ее развитии и результатах [16, с. 14]. Британский историк и философ Р. Дж. Коллингвуд в свою очередь пишет: «Каждый историк, как мне кажется, согласился бы с тем, что история – это разновидность исследования или поиска... и в этом смысле история – наука» [17, с. 12–13]. Он обращает внимание на то, что историческое познание не просто фиксирует, но также переосмысливает прошлое.

Еще одна точка зрения высказана советским историком М.А. Баргом, который, говоря о трех этапах развития исторического знания, отмечает, что только последний этап представлен становлением и развитием исторической науки как формы исторической памяти. При этом автор, характеризуя специфику исторического познания, подчеркивает, что оно не просто носит репрезентативный характер воспроизводства прошлого, а определяется социально-культурными условиями, в которых это воспроизводство осуществляется. По мнению Барга, историческое познание по своей природе действительно диалогич-

но: историки «специфическими для них средствами не только воссоздают прошлое, но и, того не сознавая, запечатлевают и себя и тем самым свое время – горизонты его видения и способы выразить увиденное» [18, с. 15].

Что же характерно для философии истории как специфической формы осмысления развития общества? Каков характер ее связи с историей? Чтобы ответить на эти вопросы, обратим внимание на две присущие философии особенности.

Во-первых, на наличие у философии двух взаимосвязанных задач – эпистемной, выражающейся в стремлении к достижению истинного представления о мире, и софийной, воплощающейся в оценочных рассуждениях о сущности и значении происходящего в нем. Итогом решения первой задачи является претендующее на объективный характер результатов познания знание (древнегреч. – *epistema*), второй – мнение (древнегреч. – *doxa*).

Эти задачи определяют своеобразие философии одновременно как научного и как мировоззренческого знания, выходящего за рамки канонов, следование которым обязательно для научных дисциплин. Ситуация применительно к философии истории означает: для нее, в отличие от исторической науки, естественно сосуществование различных взглядов на развитие общества. Поэтому можно согласиться с мнением французского философа П. Рикёра, что философия учения «не являются ни истинными, ни ложными, но иными» [19, с. 67].

В этой парадоксальной для конкретно-научного знания ситуации проявляется богатство имеющей плюралистический характер философии истории, позволяющей с разных позиций рассмотреть общественную жизнь, не претендуя на единственно верную и окончательную оценку. Иными словами, философия не может игнорировать мировоззренческие проблемы, которые являются «вечными» (значит, не имеют единого, обязательного для всех решения), поскольку в процессе размышления над ними человек утверждается как мыслящая и духовно зрелая личность.

Во-вторых, обратим внимание на такую особенность философии истории (и философии в целом), как существование у нее двух взаимообусловленных подходов к познанию мира, определение которых восходит к Ари-

стотелю и комментатору его сочинений Андронику Родосскому. Речь идет о познании «физическом», нацеленном на описание и обобщение результатов изучения явлений, и метафизическом, предполагающем выход за пределы эмпирической конкретики и обращение к сущности происходящего.

В изучении истории общества первый путь является прерогативой конкретных социально-гуманитарных наук, и в частности истории. Второй заключается в познании исторического бытия как такового и ориентирован на постижение скрытых под напластованиями событий глубинных закономерностей общественной жизни. Наличие знаний метафизического уровня и составляет первую принципиальную особенность философии истории. Неслучайно Р.Дж. Коллингвуд отметил: «Философия рефлексивна. Философствующее сознание никогда не думает просто об объекте, но, размышляя о каком бы то ни было объекте, оно также думает и о своей собственной мысли об этом объекте. Философия поэтому может быть названа мыслью второго порядка, мыслью о мысли» [17, с. 5].

Следовательно, философия обращается к метафизическому осмыслению исторического развития общества не как к самоцели, а как к средству более глубокого понимания происходящего, что предполагает принципиальное единство философии и исторической науки. Поэтому вторая принципиальная особенность философии истории заключается в рассмотрении того, как характерные для общества существенные характеристики проявляются в отдельных областях исторической динамики общества.

Таким образом, общим у философии истории и исторической науки является объект изучения – общество во всем многообразии форм его развития. Различие же состоит в предметных областях познания и характере его концептуализации. Если в историко-научном познании исследуют конкретный вид реальности – реальность событий, то в философском познании оперируют понятием социальной реальности, обладающим высоким уровнем абстрактности. При этом философское познание с необходимостью опирается на дисциплинарные исторические исследования. Что же касается результатов познания, то для философского знания каноны научной рациональности являются ориентирами и

идеалами, а для научного знания соответствие им обязательно и является нормой.

В заключение отметим, что различие в предметных областях познания и степени концептуализации знания в философии истории и исторической науке не мешает диалогу представителей этих сфер духовной деятельности. В частности, известный немецкий драматург, интересовавшийся проблемами исторического познания, И.Ф. Шиллер пришел к выводу, что для обладающего «философским складом ума» ученого-историка «все находится во внут-

ренней связи, и его мощное стремление к единству не может мириться с кусками и обрывками целого. Все его стремления направлены к совершенству и полноте его знания» [20, с. 598]. Следовательно, диалог историков и философов призван способствовать взаимному обогащению как в рассмотрении общеметодологических проблем исторического познания, так и в философском осмыслении современных проблем исторического развития общества на основе использования результатов исторических исследований. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Доманска, Э. Философия истории после постмодернизма / Э. Доманска. – М.: Канон+, 2010. – 400 с.
2. Лосев, А.Ф. Античная философия истории / А.Ф. Лосев. – М.: Наука, 1977. – 208 с.
3. Калер, Э. Избранное: Выход из лабиринта / Э. Калер. – М.: РОССПЭН, 2008. – 336 с.
4. Болингброк, Г. Письма об изучении и пользе истории / Г. Болингброк. – М.: Наука, 1978. – 359 с.
5. Бубер, М. Проблема человека / М. Бубер // Два образа веры / М. Бубер. – М.: Республика, 1995. – 464 с.
6. Фихте, И.Г. Несколько лекций о назначении ученого; Назначение человека; Основные черты современной эпохи: сборник / И.Г. Фихте. – Минск: Попурри, 1998. – 480 с.
7. Ранке, Л. фон. Об эпохах новой истории / Л. фон Ранке // Историки и история: жизнь, судьба, творчество. – Т.2. – М.: Остожье, 1998. – 865 с.
8. Маркс, К., Энгельс, Ф. Святое семейство, или критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения: в 50 т. – 2-е изд. – Т. 2. – М.: Политиздат, 1955. – С. 3–230.
9. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. – М.: Республика, 1998. – 413 с.
10. Келле, В.Ж., Ковальзон, М.Я. Теория и история (Проблемы теории исторического процесса) / В.Ж. Келле, М.Я. Ковальзон. – М.: Политиздат, 1981. – 288 с.
11. Ницше, Ф. О пользе и вреде истории для жизни / Ф. Ницше // Сочинения: в 2 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – С. 158–230.
12. Бердяев, Н.А. Смысл истории / Н.А. Бердяев. – М.: Мысль, 1990. – 175 с.
13. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по философии истории / Г.В.Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1993. – 479 с.
14. Ракитов, А.И. Историческое познание: системно-гносеологический подход / А.И. Ракитов. – М.: Политиздат, 1982. – 303 с.
15. Кемеров, В.Е. История / В.Е. Кемеров // Новая философская энциклопедия. – М., 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/1314.html>. – Дата доступа: 07.06.2015.
16. Ключевский, В.О. Курс русской истории / В.О. Ключевский // Сочинения: в 8 т. – М.: Госполитиздат, 1956. – Т. 1, ч. 1. – 428 с.
17. Коллингвуд, Р.Дж. Идея Истории. Автобиография / Р.Дж. Коллингвуд. – М.: Наука, 1980. – 488 с.
18. Барг, М.А. Эпохи и идеи: Становление историзма / М.А. Барг. – М.: Мысль, 1987. – 348 с.
19. Рикёр, П. История и истина / П. Рикёр. – СПб.: Алетейя, 2002. – 397 с.
20. Шиллер, И.-Х.-Ф. Собрание сочинений: в 8 т. / И.-Х.-Ф. Шиллер. – Т. VII. Исторические работы. – М.: Л.: Academia, 1937. – 691 с.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Идет подписка на «Беларускую думку» на II полугодие 2016 года!

«БЕЛАРУСКАЯ ДУМКА»

74938 – ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ПОДПИСКА.

Стоимость: 1 мес. – 23 900 руб., 3 мес. – 71 700 руб.,
6 мес. – 143 400 руб.

749382 – ВЕДОМСТВЕННАЯ ПОДПИСКА.

Стоимость: 1 мес. – 63 200 руб., 3 мес. – 189 600 руб.,
6 мес. – 379 200 руб. (включая НДС).

**СТОИМОСТЬ ЖУРНАЛА ПО ПОДПИСКЕ –
В 2 РАЗА НИЖЕ РОЗНИЧНОЙ**